

Первые советские пограничники Защита пограничных интересов РСФСР на эстона-латвийском участке демаркационной линии и в период гражданской войны (1918-1920)

Каждый год 28 мая наша страна отмечает очередную годовщину создания пограничных войск – День пограничника. Именно в этот день в 1918 г. Советом Народных Комиссаров был издан декрет, который стал основополагающим документом становления и развития пограничных войск нашей страны. Однако сегодня мало кому известно, что одними из первых советские пограничные подразделения стали формироваться на территории современной Псковщины и происходило это ещё до издания 28 мая 1918 г. декрета об учреждении советской пограничной охраны. Причиной этому, как, собственно, и созданию самой советской пограничной охраны, послужили последствия известных всем революционных событий 1917 г., на долгие десятилетия определивших направления развития России.

После свержения самодержавия, а затем и Временного правительства советской власти необходимо было создавать новые органы государственного управления, отвечающие поставленным перед страной и обществом задачам. Подлежала реорганизации и прежняя пограничная стража,¹ части и подразделения которой с началом I мировой войны были переданы в ведение общевойсковому командованию и находились на театре военных действий.² Однако сразу создавать новую советскую пограничную охрану было, с одной стороны, преждевременно, так как шла война, и охранять на западных, в т. ч. северо-западных, рубежах было пока ещё нечего (здесь был фронт), с другой же – крайне сложно, даже невозможно, поскольку для этого требовалась соответствующая материально-техническая и нормативно-правовая база.

Минченков Сергей Александрович - кандидат исторических наук, (г. Псков)

Подготовка первого декрета, определявшего организацию, цель и порядок пограничной охраны, началась сразу, как только в начале декабря 1917 г. представители Советской республики и Германии приступили к мирным переговорам.³ В этой работе приняли участие многие заинтересованные ведомства: военное, торговли и промышленности, финансовое и проч. При этом немаловажную роль в определении концепции организации охраны государственной границы Советской республики сыграл председатель СНК В.И. Ленин.

Рассматривая охрану границы как составную часть «защиты социалистического Отечества», В. И. Ленин считал необходимым в первую очередь создать специальные вооруженные формирования. Он исходил из того, что охрана границ социалистического государства есть качественно новое явление. Если раньше границы России имели в основном экономическое значение, так как граничащие с ней страны были однотипны по своему социальному строю, то после победы Октябрьской революции, «когда образовалось первое в мире государство диктатуры пролетариата, границы стали тем рубежом, на котором сталкивались, прежде всего, политические интересы социализма и империализма». В связи с этим пограничная охрана должна была быть подготовленной и способной «в беспощадной борьбе с многочисленными врагами отстаивать классовые интересы пролетарского государства и завоевания социалистической революции». При этом и экономический аспект границы стал приобретать ярко выраженный политический характер. В этих условиях необходимо было иметь эффективную систему пограничной охраны, надежно защищавшую как политические, так и экономические интересы молодой Советской республики.⁴ Поэтому не

случайно, что на следующий же день после издания декрета о создании советской пограничной охраны соответствующий документ вышел и в отношении таможенных учреждений.

Однако к моменту подписания 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирного договора между Советской Россией и странами Четверного союза (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией) проекты нормативных актов об охране государственной границы подготовлены ещё не были. В то же время демаркационная линия, установленная согласно договору между Советской Россией и странами союза, требовала немедленной организации пограничной охраны и таможенной службы,⁵ поскольку через неё сразу же хлынул поток контрабанды.

В связи с этим 1 апреля 1918 г. с центром в г. Петрограде началась организация первого (Петроградского) пограничного округа. В кратчайший срок были составлены штаты управления и отдельных частей округа, рассмотрены на межведомственном совещании и утверждены 3 апреля 1918 г. На всем протяжении северо-западной границы учреждались пять пограничных районов: Петроградский, Беломорский, Олонецкий, Финляндский и Чудской, с тремя подрайонами в каждом и «с соответственным потребностям охраны» границы (демаркационной линии) числом дистанций и застав. И уже в первой половине мая 1918 г. началось формирование Петроградского и Чудского пограничных районов, т. е. ещё до издания декрета о создании пограничной охраны РСФСР.⁶

Вся эта работа не носила ещё общегосударственного характера, а проводилась только на северо-западном участке границы. В первые годы Советской власти, и особенно после заключения Брестского мира, именно этот участок границы представлял наибольшую опасность для молодого «социалистического государства». Он ближе других границ находился к «колыбели Октябрьской революции» – г. Петрограду,⁷ и поэтому не случайно, что именно здесь и были сформированы первые части советской пограничной охраны. Вместе с тем, после издания декрета 28 мая 1918 г. организационная структура Петроградского округа пограничной

охраны была принята и стала использоваться для формирования и других пограничных округов.

На территории современной Псковской области (Гдовского и части Псковского районов) происходило формирование Чудского района пограничной охраны (с 8 мая; с центром временно в г. Луге). Его участок охранения демаркационной линии пролегал от побережья Финского залива, далее на юг и захватывал почти все восточное побережье Псковско-Чудского водоема. Летом 1918 г. уже после издания декрета на Псковщине началось формирование ещё двух пограничных районов – Порховского (с центром в г. Порхове) и Себежского (с центром временно в г. Опочке), которые относились ко 2-му округу пограничной охраны с центром в Витебске (позднее управление округа передислоцировалось в Минск).⁸

В соответствии с декретом СНК от 28 мая 1918 г. пограничная охрана комплектовалась лицами по вольному найму. С целью успешного формирования пограничной охраны в периодической печати было опубликовано обращение ко всем гражданам Советской республики, в том числе к бывшим пограничникам, ранее служившим в Отдельном корпусе пограничной стражи (ОКПС), с предложением поступить на службу в пограничную охрану. Условия найма были также опубликованы и в местных периодических изданиях.⁹

Укомплектование личным составом в каждом погранрайоне производила специальная комиссия, в которую, как правило, входили начальник района, комиссар и представитель от местного Совдепа. Зачисление в списки каждого принятого в пограничную охрану объявлялось приказом по району. Все принятые добровольцы записывались в регистрационную алфавитную книгу и ставились на довольствие. С июля 1918 года был принят порядок, по которому пограничники получали жалованье по окладам, установленным в Красной Армии, т. е. холостым по 150 руб. и семейным по 250 руб. в месяц. Каждый принятый пограничник проходил «краткий курс обучения (проверки) военному строю», «обращению с оружием и ... спе-

циально пограничным обязанностям» и только после этого отправлялся на границу.¹⁰

В первое время рядовой состав пограничников набирался большей частью из местных жителей. Это даже приветствовалось, поскольку они хорошо знали местность, жителей приграничной полосы, что, по свидетельству руководящих чинов погранохраны, способствовало успеху в борьбе с контрабандой. Начальниками районов и подрайонов назначались, как правило, бывшие офицеры-пограничники ОКПС. Среди них, например, были: Владимир Иванович Акимов – начальник Чудского района, впоследствии начальник Петроградского пограничного Округа, а в 1920 г. – начальник Управления Эстоно-латвийской границы, Владимир Арсентьевич Данович – начальник Порховского района пограничной охраны, Адам Сигизмундович Гласко – начальник 2-го округа пограничной охраны, Николай Михайлович Трошихин – начальник 1-го подрайона Порховского района.¹¹

Однако, несмотря на все принимаемые меры, формирование на эстоно-латвийском участке пограничных районов и укомплектование их личным составом проходило крайне медленно. Так, например, по состоянию на 6 августа 1918 г. в Чудском районе (через три месяца с момента начала его организации) было сформировано три подрайона (6 застав) и набрано: руководящего состава – 21 человек и всего лишь 90 пограничников. В остальных районах пограничной охраны сложилась во многом аналогичная ситуация.¹²

Трудности в формировании погранрайонов были связаны с задержкой в снабжении пограничников обмундированием, снаряжением, оружием, продовольствием, квартирами. Так, 16 августа 1918 г. комиссар Порховского района Петров докладывал в Главное управление пограничной охраны, что в районе около 100 пограничников проходят ещё обучение в школе и на охрану границы он может выделить только 20 человек, «а остальных нельзя отправлять на границу за неимением обмундирования и оружия, которое не так-то скоро можно получить из надлежащих учреждений».¹³

По вопросам снабжения обмундированием, снаряжением, продовольствием и

прочими видами довольствия пограничникам в случае неполучения такового из Петрограда предписано было обращаться к местным властям.¹⁴ Однако для последних «пограничная охрана была новинкой», они «не знали её функций и физиономий, - говорилось в одном из донесений Управления Чудского района пограничной охраны в ГУПО, - а поэтому вначале отношения к пограничной охране на местах были самые недружелюбные». Пограничникам «не хотели отпускать продукты, обмундирование, снаряжение и средства передвижения».¹⁵ В связи с этим между «местными... совдепами» и пограничниками возникла масса конфликтов, грозящих даже «иногда перейти к использованию оружия», направленного против представителей погранохраны. Поэтому начальникам и комиссарам районов приходилось часто отвлекаться от выполнения своих прямых служебных обязанностей и много сил и времени тратить на урегулирование всевозможных конфликтов и споров с местной властью.¹⁶

Одновременно с формированием районов пограничной охраны на демаркационной линии началась работа по организации таможенных учреждений.

На эстоно-латвийском участке демаркационной линии были созданы временные таможенные надзоры, которые вошли в состав Петроградского и Великолуцкого (позднее Смоленского) таможенных округов.¹⁷ Они создавались на правах таможен первого класса, и «для урегулирования пограничных сношений» им было поручено организовать в своих районах сеть таможенных постов.¹⁸ Причем статус «временных» они получили в силу того, что были организованы не на границе, а на демаркационной линии. Так, например, на эстоно-латвийском участке, охранявшемся пограничниками Чудского района (по состоянию на 31 августа 1918 г.), были созданы временные таможенные надзоры в д. Куземькино, д. Орлы, д. Сала, на ст. Ямбург, в д. Дубровская, д. Анненская, д. Прилуга, д. Гавриловская, г. Гдове, д. Ильиншино, д. Келудово, на ст. Торошино, в д. Монькино, д. Яхново.¹⁹

Иногда месторасположение таможенных надзоров менялось, что было связано с

поиском и последующим прикрытием наиболее важных направлений движения контрабанды через демаркационную линию.

Среди таможенных учреждений особо следует выделить те из них, которые располагались вместе с пограничными пропускными пунктами, устраиваемыми на пограничных железнодорожных станциях. Они были своего рода таможенными центрами в приграничной полосе, и именно на эти надзоры и пункты вместе с потоком пассажиров приходился основной объем перевозимых через пограничную линию грузов. На эстона-латвийском участке самыми крупными были Ямбургский, Торошинский, Карамышевский, Новоскольниковский и Невельский таможенные надзоры и пограничные пункты.²⁰

Как и пограничные районы, таможенные учреждения в период своего формирования испытывали массу трудностей. Отсутствие необходимых помещений, острый недостаток специалистов таможенного дела, всевозможные материально-хозяйственные проблемы и многое другое становилось серьезным препятствием для успешного формирования таможенных учреждений.²¹

Затяжной характер процесса формирования пограничных районов и таможенных учреждений на эстона-латвийском участке демаркационной линии, как, впрочем, и на других, самым отрицательным образом сказывался на выполнении поставленных перед ними задач по защите пограничных интересов Советского государства. Крайне низкая укомплектованность личным составом пограничной охраны и слабое развитие сети таможенных учреждений не позволяли осуществлять сплошную охрану демаркационной линии, поэтому поначалу прикрывались только наиболее важные её участки – пограничные пункты железных, шоссейных, грунтовых дорог, места близко расположенных к границе сёл, деревень и др.²² В связи с этим борьба с контрабандой, проводимая погранохраной и таможенными учреждениями и являвшаяся в то время их основной задачей, не приносила ощутимых результатов. Так, например, в Петроградском погранрайоне за второе полугодие 1918 г. пограничникам удалось произвести всего 15 задержаний контрабанды на сумму 11262 руб. 68 коп.²³

Другой серьезной причиной, не позволявшей эффективно вести борьбу с контрабандой, было отсутствие в большинстве погранрайонов и таможенных учреждений опытных кадров, специалистов своего дела. В тех же местах, где формирование и организацию службы производили специалисты (бывшие пограничники ОКПС и сотрудники таможен), личный состав был лучше обучен, дисциплинирован и, как следствие, качественнее выполнялись поставленные задачи. Так, за второе полугодие 1918 г. в Чудском погранрайоне было произведено 84 задержания контрабанды на сумму 439496 руб. 66 коп. Командование 1-го Петроградского округа пограничной охраны объясняло успешность борьбы с контрабандой в Чудском районе (по сравнению с другими погранрайонами округа) тем, что «в состав этого района сразу попали лучшие силы Первого округа».²⁴ 16 августа 1918 г. комиссар 2-го Порховского района пограничной охраны докладывал в Главное управление пограничной охраны: «Командный состав [Порховского. – С.М.] района стоит на должной высоте, лица вполне опытные и легко справляются со всеми препятствиями, [стоящими] на пути формирования пограничной охраны в смысле своевременного получения обмундирования, оружия и много другого, в особенности опытностью и деловитостью отличаются начальник района Владимир Арсентьевич Данович, начальник 1-го подрайона Николай Михайлович Трошихин и чин для поручений Глеб Петрович Симонов, о которых, по-моему, необходимо упомянуть в приказе по Главному управлению... они не коммунисты, но хорошие и аккуратные исполнители всех распоряжений Советской власти... При проверке на границе нахожу полный порядок в правильности распределения постов, дисциплину у пограничников и строгое наблюдение за контрабандой, результатом чего явилось за короткое время задержание контрабанды на сумму около 30000 рублей, и это только на приблизительно двадцативерстном участке».²⁵

В ходе борьбы с контрабандой пограничники и таможенные сотрудники показывали образцы высокой бдительности, самоотверженности и героизма.

1 сентября 1918 г. Главным управлением пограничной охраны было отмечено, например, достойное выполнение своих обязанностей пограничником Чудского погранрайона Роциным. «Объявляем от лица Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, - говорилось в приказе, - глубокую благодарность пограничнику 1-го Чудского района, 3 подрайона, Петровской дистанции товарищу Роцину, задержавшему единолично вместе с другой контрабандой 229000 германских марок, несмотря на предложенную ему крупную взятку.

Ставим в пример всем пограничникам т. Роцина, как честного, добросовестного работника, зарекомендовавшего себя неоднократно в короткий срок с наилучшей стороны. Товарищ Роцин да послужит примером всем, кому дороги интересы нашего Социалистического отечества, как верный и преданный сын пролетарской революции, твердо стоящий на страже интересов трудящихся масс Республики. Приказываю начальнику Чудского района немедленно выдать товарищу Роцину вознаграждение в размере месячного оклада его жалования...

Настоящий приказ прочесть во всех районах, подрайонах, дистанциях и заставах пограничной охраны».²⁶

19 октября 1918 г. пограничники Себежского района 2-го округа пограничной охраны Федор Муравьев и Василий Балабинский, несшие службу у деревни Медведово, остановили подводу с двумя неизвестными. Повозка двигалась в сторону границы и была до отказа загружена мешками и чемоданами. Бойцы стали их осматривать и обнаружили около сотни котиковых шкур, зашитых в одеяла и перины, кружева, золотые цепочки, кольца, платиновые серьги с бриллиантами, а в ручке чемодана – 3000 рублей.²⁷

24 октября 1918 г. у пассажиров, следовавших через Ямбургский пограничный пропускной пункт за границу, были конфискованы несколько сотен предметов контрабанды, большую часть которых составляли серебряные вещи, одежда и иностранная валюта.²⁸

Однако в период формирования в деятельности пограничной охраны и таможен-

ных учреждений на эстона-латвийском участке демаркационной линии были выявлены и серьезные недостатки. Так, например, 6 июля 1918 г. в приказе № 47 начальник Торошинского пропускного пункта Н. В. Рончевский отметил: «1/ ночью дежурные чины не всегда бывают на станции, 2/ почтовый вагон, отправляющийся во Псков и прибывающий оттуда, а также и экстренные паровозы не всегда осматриваются чинами наряда, 3/ не все чины наряда одевают установленные нарукавные повязки».²⁹

Более того, в ряде подразделений пограничной охраны служило много «левых» эсеров, которые не признавали Брестского мирного договора и вместе с некоторыми представителями «старой пограничной охраны» совершали незаконные конфискации и поборы, всячески нарушали революционную законность, организовывали различные провокации, стремясь обострить и без того сложную обстановку на границе. 31 июля 1918 г. комиссар Главного управления пограничной охраны в своем письме Ф. Э. Дзержинскому отмечал, что на пропускных пунктах Торошино и Себеж «происходят позорные и гнусные действия со стороны отдельных партий красноармейцев, стоящих на охране границы».³⁰

Немногим отличались от пограничников и таможенные сотрудники. В докладах, приказах, письмах и других документах, исходящих как от таможенных учреждений, так и от пограничной охраны, отмечались злоупотребления, халатное отношение к службе, бездеятельность многих таможенных сотрудников. Так, например, в августе 1918 г. комиссар Порховского района в докладе в Главное управление пограничной охраны отметил, что он «пришел в ужас» от работы Карамышевского таможенного надзора, где не было установлено даже постоянного дежурства. Нередко сотрудники таможенных учреждений являлись на службу с опозданием, протоколы и другие документы о задержаниях и конфискациях у пассажиров запрещенных к провозу предметов составлялись с грубыми нарушениями, а иной раз конфискации и вовсе не регистрировались. Множество трудностей и проблем возникало и в силу отсутствия надлежащих указаний, инструк-

ций по организации работы. Карамышевский таможенный надзор, например, до августа 1918 г. не имел никаких предписаний по поводу того, как следует поступать с контрабандным товаром, куда следует его направлять после оформления конфискационных документов.³¹

Серьезные проблемы и недостатки в деятельности пограничной охраны и таможенных учреждений наблюдались и на других участках демаркационной линии РСФСР. Из различных источников в Главное управление пограничной охраны, во Всероссийскую чрезвычайную комиссию и другие ведомства со «всей полосы демаркационной линии поступали сведения о свершившихся там безобразиях». Для наведения порядка требовалось принятие срочных и решительных мер. И таковые последовали.³²

В августе 1918 г. всем комиссарам и начальникам округов было предписано немедленно выехать на места. Совместно с начальниками районов, а также и членами РКП(б) им предлагалось «немедленно обращаться за помощью в деле наведения порядка на границах, а также и восстановления пограничной охраны - к местным военным комиссариатам, к местным Совдепам, к местным комитетам, ячейкам Коммунистической партии и к местным чрезвычайным следственным комиссиям. При помощи перечисленных организаций, - говорилось в предписании комиссаров Совета пограничной охраны В. Д. Фролова и П. Ф. Федотова, - действуйте энергично, наводя революционный порядок, вплоть до расстрела изменников, предателей и мародеров, продающих интересы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а также свою совесть, честь и достоинство за позорные взятки спекулянтов и контрреволюционеров».³³

Вопрос о недостатках в организации и деятельности пограничной охраны и таможенных учреждений был одним из основных в работе I Всероссийской конференции работников чрезвычайных комиссий, проходившей в Москве 11-14 июня 1918 г. Делегаты конференции, заслушав доклады с мест и обсудив «вопросы современного политического и экономического положения стра-

ны», пришли к единогласному решению о необходимости создания во всех губерниях, на узловых железнодорожных станциях, в портах и пограничной полосе «стройной сети» чрезвычайных комиссий.³⁴

На основании решения этой конференции, а также обращения 31 июля 1918 г. Совета пограничной охраны к председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому о необходимости создания отделов ВЧК на пограничных пропускных пунктах в течение июля - августа 1918 г. все губернские и уездные ЧК, расположенные вдоль демаркационной линии, были преобразованы в окружные, участковые и пунктовые чрезвычайные комиссии.³⁵ На эстона-латвийском участке демаркационной линии таковыми стали Ямбургская, Лужская, Торошинская, Порховская, Островская, Новоржевская, Опочецкая, Ново-сокольническая, Себежская, Невельская участковые пограничные чрезвычайные комиссии и ряд пунктовых, расположенных в деревнях пограничной полосы. Они вошли в состав Петроградской и Великолуцкой (позднее Смоленской) окружных пограничных ЧК, пунктом территориального разграничения которых была станция Карамышево.³⁶

В соответствии с требованиями Инструкции, изданной в августе 1918 г., пограничные ЧК и комиссары осуществляли контроль над частями и подразделениями пограничной охраны и таможенными учреждениями, производили «дознание над пойманными контрабандистами... шпионами, контрреволюционерами, спекулянтами, взяточниками и т. п.», вели «наблюдение за прибывшими из-за границы и отбывающими за границу лицами и товарами», проверяли «их виды и документы на проезд, на провоз товаров». Так, например, в сентябре 1918 г. комиссаром Торошинского пропускного пункта Р. А. Муклевичем (впоследствии стал крупным военным и государственным деятелем: в 1926-1931, например, был начальником Морских Сил СССР, что соответствует современной должности командующего ВМФ РФ) были выявлены злоупотребления дипломатических курьеров, которые под прикрытием «консульских дипломатических печатей» вывозили из России запрещенные к вы-

возу предметы – золотые и серебряные монеты и изделия, кофе, какао, мыло и др. Подобные злоупотребления приняли настолько угрожающие размеры, что Р.А. Муклевич вынужден был об этом сообщить телеграммой народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину. 30 сентября 1918 г. с телеграммой Муклевича об обстановке на ст. Торошино был ознакомлен В.И. Ленин, который через своего секретаря поручил Чичерину: «Надо послать строгий выговор 1) Муклевичу за то, что зевал: должен был арестовать; 2) в Питер Зорину: как они смеют выдавать документы без Москвы; 3) назначить следствие над Зориным и К» (С. Зорин в то время был председателем революционного трибунала Петрограда). Злоупотребления, выявленные на ст. Торошино, вызвали принятие со стороны Советского правительства целого комплекса мероприятий, в числе которых было и предъявление 7 октября 1918 г. Полномочным Представительством РСФСР в Германии соответствующей ноты Министерству иностранных дел этого государства.³⁷

На пограничные чрезвычайные комиссии возлагалась также задача борьбы с контрабандой, шпионажем, спекуляцией и контрреволюцией в пограничной полосе. Для этих целей в распоряжение пограничных ЧК штаб Особого корпуса войск ВЧК выделял небольшие вооруженные отряды, которые в условиях неустойчивого политического положения в уездах приграничной территории часто приходилось использовать для подавления крестьянских волнений, контрреволюционных и других выступлений, направленных против Советской власти.³⁸

Иногда отряды пограничных ЧК, устанавливая революционный порядок, сами предпринимали незаконные действия и совершали преступления. Так, в сентябре 1918 г. отряд Опочецкой пограничной ЧК во главе с Березиным в ответ на убийство красноармейца, которому «было нанесено около семидесяти кинжальных ран и отрезаны пятки», разогнал 500 вооруженных крестьян д. Альхово и д. Пурышево, намеревавшихся «идти на Совет». Причем «в то время, когда разошедшие красноармейцы по домам стали выгонять крестьян, были совершены похище-

ния, как то хлеба, гармоний и др.», за что «были на месте же тов. Березиным арестованы» и «наказаны».³⁹

Однако, несмотря на трудности, за короткое время пограничным ЧК и комиссарам удалось задержать «много контрабандных товаров, идущих из России и в Россию», провести ряд успешных мероприятий по борьбе с контрреволюционным элементом, вошедшим в ряды пограничной охраны и таможенные учреждения, значительно улучшить кадровый состав сотрудников и качество выполнения ими служебных обязанностей, тем самым подтвердив необходимость и своевременность принятого решения об организации в пределах пограничной полосы специальных чекистских аппаратов.⁴⁰

Таким образом, в течение мая – сентября 1918 года на эстона-латвийском участке демаркационной линии РСФСР сложилась вполне определенная организационная структура системы пограничной охраны. Её составили: три района пограничной охраны, таможенные учреждения и пограничные чрезвычайные комиссии. Однако, испытывая материально-бытовые трудности, острый недостаток специалистов, а главное – личного состава, имея многие другие проблемы, сложившаяся система ещё не могла надежно обеспечить защиту пограничных интересов страны, и для экономической контрабанды, вооруженных банд и шпионов демаркационная линия эстона-латвийского участка фактически оставалась открытой. Таковой она была и для немцев, которые, «не предпринимая военных действий», неоднократно совершали рейды на советскую территорию «с целью грабежа под видом реквизиции продовольственных припасов».⁴¹ Так, в одном из донесений руководителей Военно-революционного комиссариата района Великих Лук в Высший военный совет от 28 марта 1918 г. говорилось, что «германские войска нарушают демаркационную линию с целью грабежа, провоцируют столкновения с крестьянами, завершающиеся потерями и убитыми с обеих сторон».⁴²

Подобные действия со стороны германских войск были явным нарушением Брестского мирного договора и представляли серьезную угрозу не только для крестьян погра-

ничной полосы и их имущества. В ряде уездов неоккупированной территории пошатнулось положение ещё не окрепшей Советской власти, а «контрреволюция, таящаяся за демаркационной линией в непосредственной близости от местонахождения Советов, давала повод бесконечным провокациям, слухам о немецком наступлении, о занятии ими того или иного города».⁴³ Поэтому перед центральной и местной властью встала задача выработки эффективных мер противодействия немецким провокациям на демаркационной линии и вылазкам на советскую территорию. При этом необходимо было учитывать и то обстоятельство, что части и подразделения регулярной Красной Армии, дислоцированные в непосредственной близости от демаркационной линии – 2-я Новгородская, 3-я Петроградская, Псковская дивизии, не могли быть использованы для этих целей, поскольку это являлось бы фактом открытия военных действий (военного конфликта), что уже и с советской стороны нарушало бы Брестский мирный договор. По этим причинам, а также в связи с сохраняющейся опасностью возобновления крупномасштабных военных действий и необходимости в таком случае оказания немедленного сопротивления противнику на IV съезде Советов Псковской губернии, состоявшемся в апреле 1918 г., было принято постановление о создании в прифронтовой зоне крестьянского ополчения. Предусматривалось в каждом селе создать из добровольцев при выборном командире партизанские отряды «для защиты земли, воли и прав трудового народа». При этом подчеркивалось, что «партизанские отряды есть организация вполне самочинная» и Советское «правительство в их действиях не ответственно», а следовательно, «германское правительство не может протестовать, если партизанские отряды будут продолжать борьбу».⁴⁴

Летом и осенью 1918 г. даже в разгар полевых работ в каждом уезде, повсеместно, но с различным размахом, проходило формирование партизанских отрядов и дружин. Этот процесс был настолько сильным, что председатель Псковского губисполкома Н.А. Петров в письме, направленном в уездные исполкомы, даже критиковал их за то, что уездные

Советы большее внимание уделяют именно формированию партизанских отрядов, а не отбору добровольцев в Красную Армию, отмечая, что создание последней является более «насушной и первейшей» задачей. К сентябрю 1918 г. в неоккупированной части Псковской губернии, по неполным данным губернского военного комиссариата, насчитывалось несколько десятков партизанских отрядов общей численностью более 8 тысяч человек. Они и стали той реальной военной силой, которая способна была успешно противостоять рейдам на территорию пограничной («прифронтовой») полосы Советской республики отрядов из состава германских войск, тем самым выполнять, ввиду малочисленности и слабости пограничной охраны, возложенную на последнюю декретом СНК от 28 мая 1918 г. обязанность по защите «наших пограничных селений от нападений разбойников...». Несколько раньше, весной 1918 г., когда пограничная охрана ещё не была сформирована, партизанские отряды вместе с частями Красной Армии несли даже сторожевую службу на демаркационной линии. Так, например, «партизанами были выставлены заставы и посты от Петроградского шоссе на северо-запад до Псковского озера и на юго-восток до станции Карамышево». В середине марта 1918 г. пять прифронтовых волостей, расположенных близ оккупированного Пскова, имели «постоянные тысячные отряды, которые несли сторожевую службу», имея в резерве ещё семь тысяч вооруженных крестьян.⁴⁵

Все это свидетельствовало о том, насколько сложной была обстановка на демаркационной линии после подписания Брестского мирного договора. Однако «мирная передышка» продолжалась недолго. Летом 1918 г. молодая Советская республика оказалась «в огненном кольце» английских, французских, японских, американских и других интервентов и русских белогвардейских войск. Обострение военно-политической обстановки вызвало необходимость объединения руководства всеми вооруженными силами Советской республики.⁴⁶

19 августа 1918 г. СНК РСФСР принял декрет «Об объединении всех вооруженных сил республики в ведении Народного

комиссариата по военным делам». Согласно декрету войска специального назначения, в том числе и пограничная охрана, в отношении комплектования, вооружения, военного обучения, снабжения и использования в качестве военной силы, передавались в распоряжение Народного комиссариата по военным делам. В решении же специальных задач пограничная охрана оставалась в прежнем подчинении Главного управления пограничной охраны Народного комиссариата торговли и промышленности, хотя в случае начала военных действий на охраняемых участках границы переходила в полное подчинение военного командования.⁴⁷

Для Петроградского и Чудского районов пограничной охраны, которые в случае начала военных действий находились бы вместе на эстона-латвийском направлении фронта, определение войсковых соединений, в распоряжение командования которых они поступали при таком развитии событий, было определено приказом начальника Петроградского округа пограничной охраны А. Загорского уже 5 августа 1918 г. (таким образом, ещё до подписания вышеназванного декрета). В приказе А. Загорский, в частности, отметил, что «...обязанность по защите границ от вооруженного вторжения кого бы то ни было в пределы Республики...приобретает в настоящий политический момент доминирующее значение и при таких условиях части вверенного мне Округа... могут быть поставлены в условия вооруженной обороны вверенных их охране участков государственной границы, причем первый натиск, до подхода подкрепления, части Пограничной Охраны должны будут принять на себя.

В целях наиболее успешного использования сил Пограничной Охраны, далеко ещё не доведенных до установленного штатного состава, Начальникам Районов безотлагательно войти в тесный контакт с местными войсковыми начальниками, имея в виду, что с момента открытия военных действий части Пограничной Охраны переходят в полное ведение соответствующих войсковых начальников...». Так, части Петроградского района пограничной охраны поступали в случае начала военных действий в распоря-

жение начальников 1-й и 3-й пехотных Петроградских дивизий, а части Чудского района – в распоряжение начальника 4-й пехотной Петроградской дивизии. В приказе также оговаривалось, что «части Пограничной Охраны, оставшиеся на местах и не отошедшие в тыл после невозможности дальнейшего сопротивления, будут рассматриваться как добровольно сдавшиеся в плен и подлежат ответственности по законам военного времени».⁴⁸

Позднее другие два погранрайона эстона-латвийского участка демаркационной линии – Порховский и Себежский – были переданы в распоряжение командования Псковской дивизии.⁴⁹

Вместе с определением подчинения военному командованию пограничной охраны, на местах принимались подобные решения и относительно партизанских отрядов и дружин. 7 июля 1918 г. на совместном заседании Военного Совета Псковской дивизии, Псковского губернского комиссариата по военным делам и Псковского губисполкома было решено, что с открытием военных действий «все партизанские отряды переходят под управление Штаба [Псковской. – С.М.] дивизии». Последний «в зависимости от стратегическо-тактической обстановки» при наступлении противника должен был определить схему расположения партизанских отрядов и поставить перед каждым из них конкретную задачу.⁵⁰

Передача пограничной охраны в отношении комплектования, вооружения, снабжения, военного обучения в ведение Народного комиссариата по военным делам принесла для неё важные положительные результаты. Прежде всего это касалось увеличения численности личного состава пограничных районов. Если раньше на одну дистанцию приходилось 35-40 человек, а на заставу – 8-10, то после получения в ноябре-декабре 1918 г. пополнения на каждой дистанции в среднем уже имелось около 60-80 пограничников и 10-30 на заставе. И несмотря на то, что установленного по штату количества пограничников для каждого района, подрайона, дистанции и заставы достигнуто пока ещё не было, прибывшее пополнение

позволило увеличить до необходимого число этих структурных подразделений пограничной охраны.⁵¹

Помимо увеличения численного состава пограничных районов осенью 1918 г. было положено начало специальной и военной подготовке пограничников, больше внимания стало уделяться вопросам их материально-технического обеспечения и вооружения.⁵²

Все эти мероприятия по укреплению пограничной охраны проводились не случайно. На оккупированной немецкими войсками территории Псковской губернии уже полным ходом шла организация белогвардейских вооруженных сил – т. н. Псковского отдельного добровольческого корпуса Северной (позднее Северо-Западной) белогвардейской армии.⁵³

Формирование белогвардейских частей в Пскове началось ещё летом 1918 г. Непосредственное участие в этом приняли представители германских правительственных и военных властей, что являлось открытым вмешательством во внутренние дела Советского государства и нарушением обязательств, взятых ими по Брестскому мирному договору. Сначала германское военное командование при штабе 5-й запасной дивизии организовало т. н. «русскую комендатуру», где производился набор русских офицеров для отправки на Украину. Однако в середине октября 1918 г., когда вопрос о выводе германских войск с русских северо-западных территорий был предreshен, российское монархическое офицерство при активном содействии и прямой военной и финансовой помощи германских оккупационных властей предприняло срочные меры к организации Псковского отдельного добровольческого корпуса Северной армии. На оккупированных территориях была развернута широкая агитация по вербовке местного населения в белогвардейскую армию. Устраивались митинги, собрания, распространялись всевозможные воззвания и прокламации («Время не терпит», «Русские люди»). Вербовочные пункты находились в Пскове (в здании мужской гимназии на Георгиевской улице), Острове (по улице Набережная, д.1), Люцине, Режице, Двинске. В некоторых мес-

тах проводилась также и насильственная мобилизация, поскольку, несмотря на германскую помощь, агитацию и обещания большого жалованья (офицерам от 400 руб. и выше, рядовым – 90 руб. в месяц), крестьянство и рабочий люд записывались в белогвардейскую армию плохо. В основном сюда вступали бывшие царские офицеры, юнкера, гимназисты, безработные и всевозможный преступный элемент. Поэтому сколько-нибудь значительного по численности и боеспособности белогвардейского корпуса сформировать не удалось, и к 25 ноября 1918 г. в нем всего состояло около 4,5 тысячи человек. Однако для советских приграничных территорий корпус представлял серьезную опасность.⁵⁴

Уже во второй половине октября 1918 г. отдельные отряды из состава Псковского отдельного добровольческого корпуса начали осуществлять вылазки (рейды) на советскую территорию. Так, например, 28 октября один из таких белогвардейских отрядов обезоружил пограничников, осуществлявших охрану участка демарклинии в районе ст. Карамышево. Причем вскоре выяснилось, что «отряд» пограничной охраны не только оказался не способным дать отпор налетчикам, но и сам «добровольно сдал оружие белогвардейцам».⁵⁵

7 ноября белогвардейский «эскадрон Аксакова в числе 160 человек из кавалерийского полка Балаховича» обезоружил пограничную охрану в д. Зубово.⁵⁶

23 ноября 1918 г. более 200 белогвардейцев ворвались в деревни Верхние и Нижние Галковичи. Вооруженные винтовками и пулеметами белогвардейцы начали грабить крестьян, забирая у них скот, продукты и фураж. Партизанский отряд из местных крестьян пытался оказать сопротивление налетчикам, но за малочисленностью (42 человека) вынужден был отступить. И только прибывший на помощь красноармейский Лужский эскадрон с пулеметами и полуротой пехоты заставил белогвардейцев отойти к Пскову.⁵⁷

Таким образом, после организации Псковского отдельного добровольческого корпуса ситуация на демаркационной линии ещё более осложнилась, и для отражения налетов белогвардейских отрядов одних сил пограничников и партизанских отрядов, по-

прежнему самоотверженно пытавшихся бороться, было уже недостаточно. Поэтому в помощь пограничной охране нередко приходилось направлять регулярные части Красной Армии. Кроме того, важную роль в борьбе с белогвардейскими вылазками, рейдами на советскую приграничную территорию играли и коммунистические отряды.

Первые коммунистические отряды создавались временно, для ликвидации отдельных контрреволюционных организаций, бандформирований и восстаний, а после выполнения поставленных задач распускались. Однако со временем деятельность коммунистических отрядов все более становится постоянной, что было обусловлено необходимостью обеспечения защиты пограничных территорий от белогвардейских и бандитских налетов. Одним из первых таких «постоянных» отрядов стал созданный распоряжением укома в августе 1918 г. Островский коммунистический отряд. Толчком к его формированию послужили организующиеся в Острове части Северной армии, а также «близость немецких частей», оккупировавших часть Островского уезда. Отряд состоял из коммунаров и частью из красноармейцев, вооруженных винтовками, двумя пулеметами и 3 дюймовым орудием. С октября 1918 г. отряд совместно с частями Красной Армии провел ряд успешных операций против белолатышей и частей Северной армии. Так, например, в ночь на 21 ноября 1918 г. бойцы Островского коммунистического отряда разбили у деревни Дубок белогвардейский отряд, в котором насчитывалось 30 кавалеристов и 50 пехотинцев, вооруженных пятью пулеметами.

Помимо Островского коммунистического отряда, в 1918 г. были созданы также Псковский, Великолуцкий и Торопецкий отряды. Организованные же в 1919 г. Холмский, Порховский и Опочечский коммунистические отряды существовали недолго, и после выполнения возложенных на них задач по ликвидации белогвардейских отрядов и «зеленых» банд были распущены.⁵⁸

Создание на оккупированной территории белогвардейских вооруженных формирований, а также провокации, устраиваемые ими на демаркационной линии, требовали от

пограничников проведения постоянных разведывательных мероприятий.⁵⁹ Большую помощь в этом им оказывали сотрудники пограничных ЧК, которые проводили также и контрразведывательные операции. Так, например, в Торошино чекистами был арестован белогвардейский агент, следовавший из Петрограда в Псков. При нем были обнаружены данные о состоянии железнодорожных путей на Петроград и Новгород, а также рекомендации по проведению мятежа в Торошино. В Опочке чекисты задержали некоего Васильева с несколькими десятками экземпляров воззвания «Записывайтесь в Северную армию для спасения отечества и религии».⁶⁰

В контрразведывательных мероприятиях, проводимых и среди пограничников, активное участие принимали также сотрудники военно-революционных комитетов. Председатель Псковского губисполкома К. Гей издал ревкомовцам «Наказ», в котором требовал: «тайную разведку в Пскове поставить не широко, но на серьезных началах – главное же внимание обратить на... Карамышево с целью обрезать немецкий и белогвардейский шпионаж и возможные организации монархистов». Однако «особое внимание» К. Гей советовал «обратить на возможный шпионаж со стороны пограничников», а выполнение последними служебных обязанностей «проверять... вплоть [до] выставления своих постов».⁶¹ 30 октября 1918 г. Торошинскому ВРК на пограничную охрану рекомендовал обратить «самое серьезное внимание» и «За Псковского Уездного Военного Комиссара» Приезжинский. Он отмечал, что «в особенности 2-й Подрайон, занимающий посты в пределах Докатовской волости и окружающих с нею волостей... в буквальном смысле этого слова население восстановил против Советской власти и продолжает пропускать за границу всех тех, кого ему нужно, преследуя вполне понятную тенденциозную цель – организацию белой гвардии».⁶²

Наделенные чрезвычайными полномочиями ревкомовцы,⁶³ приступив к выполнению возложенных на них председателем Псковского губисполкома задач, производили сразу же расследования по фактам шпионажа или небрежного отношения к службе

пограничников и принимали меры для предотвращения повторения таковых в будущем. Так, 24 октября 1918 г. председатель Торошинского ВРК Я. Фабрициус в своем приказе отметил: «...пограничная охрана крайне небрежно несет службу: пьянствует, пропускает в нейтральную зону без пропусков и наоборот задерживает лиц имеющих документы. Предписывается немедленно прекратить разгильдяйство и подтянуться, т.к. впредь все виновные в нарушениях службы будут караться беспощадным образом».⁶⁴ 6 ноября председатель Островского ВРК Черепнин, прибыв в расположение 3-го подрайона Порховского района пограничной охраны, обнаружил, что пограничники «переходят [демаркационную. – С.М.] линию даже с оружием и почему-то немцами не задерживаются, а также некоторые из них имеют связь с белогвардейцами. Нахальство их связи дошло до того, что на их пост в Соболях явился немецкий комендант и просил их, что когда он будет проверять наши посты, чтобы они по нему не стреляли». Ввиду такого положения Черепнин «сразу же был выдвинут Комиссаром Пограничной Полосы Островского уезда коммунист ответственный работник тов. Иванов», которому вменялось «в обязанность строго следить за всем командным составом и за всеми отрядами» пограничной охраны, а отрядам, находящимся в распоряжении Островского ВРК, также приказал «строго следить за Порховскими отрядами» пограничной охраны и со всеми, «кто будет подходить к постам с немецкой стороны поступать согласно военного положения на позициях».⁶⁵

В октябре-ноябре 1918 г. в связи с активизацией на эстона-латвийском участке демаркационной линии белогвардейских отрядов в пограничной охране участились случаи дезертирства. Службу оставляли как рядовые пограничники, нередко при этом прихватывавшие с собой казенные вещи (постельные принадлежности, шинели, сапоги, оружие и т. п.),⁶⁶ так и представители командного состава. Причем и те, и другие иногда переходили на сторону врага – в белогвардейскую армию. Так, например, 26 октября комиссар 2-го подрайона 2-го (Порховско-

го) района пограничной охраны Полубояринов в донесении начальнику 2-го района сообщил, что «Начальник 2-го Подрайона Миних, и Начальник 5 дистанции Никольский III в ночь с 24 на 25 сего Октября бежал за границу»;⁶⁷ в начале ноября проведено расследование по факту «измены» начальника 3-го подрайона 2-го района пограничной охраны (как и начальника 2-го подрайона).⁶⁸ 28 октября 1918 г. начальник Чудской озерной флотилии бывший капитан 2-го ранга Д.Д. Нелидов под предлогом выполнения боевого задания увел несколько судов в Псков и передал их белогвардейцам.⁶⁹

Участились случаи оставления служб и на пропускных пунктах. Так, например, в конце октября - начале ноября 1918 г. «неизвестно куда» скрылись начальник гужевого пограничного пропускного пункта «Ильиншино» Берзин и военный контролер Гуткевич, начальник Карамышевского пограничного пропускного пункта Бауман, военный контролер Седоровский и канцелярский служащий Рейтнюк.⁷⁰

Несмотря на большое количество выявленных случаев дезертирства, шпионажа и халатного отношения к службе со стороны пограничников и таможенных сотрудников, осенью 1918 г. все же произошло значительное, относительно предшествующего периода времени, укрепление системы пограничной охраны. Однако дальнейшее её совершенствование было прервано началом военных действий Красной Армии против германских оккупационных и белогвардейских войск.

Потерпев поражение в мировой войне, Германия должна была вывести свои войска с оккупированных ею территорий. Однако и после подписания 11 ноября 1918 г. с государствами антигерманской коалиции Компьенского перемирия ей было разрешено оставаться на восточной оккупированной территории «до тех пор, пока там не появятся дружеские союзникам войска».⁷¹

В этих условиях единственно возможным средством покончить с германской оккупацией Северо-Запада России, предотвратить переход власти к белогвардейцам, а значит – снять очаг напряженности и упредить неминуемое вторжение их на советскую тер-

риторию, становилась немедленная наступательная операция. Эта задача была возложена на войсковые соединения 7-й Армии – 2-ю Новгородскую, 6-ю, 10-ю и Псковскую стрелковые дивизии. Участие в наступлении должны были принять и части пограничной охраны.⁷²

Наступательная операция войск Северного фронта началась 23 ноября 1918 г., когда 2-я Новгородская дивизия и приданные ей части перешли бывшую демаркационную линию в направлении г. Пскова. Одновременно части 6-й дивизии начали боевые действия на Нарвском боевом участке.⁷³

В результате операции войска Северного фронта уже 25 ноября освободили г. Псков, в ночь с 26 на 27 ноября – г. Остров, а 28 ноября враг вынужден был оставить г. Нарву.

Активное участие в боевой операции по освобождению г. Нарвы приняли пограничники Чудского района пограничной охраны. 28 ноября в те часы, когда батальоны Феллинского эстонского полка Красной Армии и части 6-й стрелковой дивизии начали наступление на г. Нарву, две роты пограничников переправились через реку Нарву (недалеко от её устья). В это же время в устье реки Нарвы на двух транспортах в сопровождении крейсера «Олег» и миноносцев «Меткий», «Спартак» и «Автроил» прибыл хорошо вооруженный отряд моряков Балтийского флота численностью 750 человек. Пограничники присоединились к отряду и общими усилиями разгромили оборонявшиеся у Гунгербурга белоэстонские части, захватив около 100 человек пленными, много оружия и продовольствия. «Продвигаясь на юго-запад, они создали угрозу окружения основных сил противника и ускорили его бегство из Нарвы». Это

было «первое боевое крещение» пограничников Северо-Запада России в борьбе с германскими и белогвардейскими войсками.⁷⁴

В феврале 1919 г., в соответствии с проводимой реорганизацией пограничной охраны в пограничные войска, погранрайоны, действовавшие на эстона-латвийском направлении фронта, были переформированы в пограничные стрелковые (пешие) полки, подрайоны – в батальоны, дистанции – в роты и вскоре переданы уже в полное ведение командования действующей армии (но с сохранением их особой организации). Часть из них активно принимала участие в борьбе с белогвардейскими войсками и понесла огромные потери (особенно 5-й пограничный стрелковый полк – бывш. Чудской район погранохраны), другие же находились в резерве. В дальнейшем все они были передислоцированы и в августе 1919 г. после переформирования вошли в состав 53-й пограничной дивизии. С сентября дивизия находилась в резерве Западного фронта, а её 2-я и 3-я бригады с октября 1919 г. стали действовать в составе 15-й и 7-й армии против войск генерала Юденича.⁷⁵

После окончания в 1920 г. на Северо-Западе России гражданской войны и заключения с прибалтийскими республиками мирных договоров на охрану границы встали уже совершенно другие части. Границу с Эстонией стали охранять Экспедиционный отряд, 1-й и 2-й Петроградские отдельные стрелковые территориальные полки и Московский полк, а границу с Латвией – части Башкирской отдельной стрелковой бригады.⁷⁶ С вступлением их на охрану границы начался уже новый этап в становлении советских пограничных войск.

Примечания

1. В дореволюционной России государственную границу охранял Отдельный корпус пограничной стражи, подчинявшийся министерству финансов. Он имел строгую военную организацию и комплектовался на общих с регулярными войсками основаниях. Корпус состоял из 34 бригад и двух особых отделов. Бригады распределялись по восьми пограничным округам и подразделялись на отделы, отряды, посты и имели смешанный состав: на одну треть были укомплектованы кавалеристами и на две трети – пехотинцами. Для охраны морской границы корпус имел специальную флотилию. (Часовые советских границ. Краткий очерк истории пограничных войск СССР. М. 1983. С. 19)
2. Контрабанда и борьба с ней. По материалам Главного таможенного управления. М. 1925. С. 82.
3. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М. 1998. С. 293; Чузунов А.И. Борьба на границе, 1917-1928: (Из истории пограничных войск СССР). М. 1980. С. 16-17.

4. Кисловский Ю.Г., Полежаев И.П. На страже рубежей Родины. М. 1981. С. 4-5.
5. К марту 1918 г. таможенная служба оказалась в значительной степени парализованной, поскольку во время войны на 75 % протяженности европейской границы России велась боевые действия и все находившиеся на западной границе таможенные учреждения были эвакуированы. (Габричидзе Б.Н., Зобов В.Е. Таможенная служба в Российской Федерации. М. 1993. С. 27-28; Контрабанда и борьба с ней. С. 82.)
6. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. Документы и материалы. 1917-1921. М. 1958. С. 328-332; РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 18, л. 1-3.
7. Филиппов Э.М. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. СПб. 2000. С. 12; Чугунов А.И. Борьба на границе. 1917-1928: (Из истории пограничных войск СССР). С. 17.
8. Боевой путь советских пограничных войск. Краткий очерк. М. 1967. С. 23; Дозорные западных рубежей. Документальные очерки по истории войск Краснознаменного западного пограничного округа. Киев. 1984. С.7, 15; На страже северо-западных рубежей Отечества: Очерки по истории Краснознаменного северо-западного пограничного округа. СПб. 1998. С. 21; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 328-332;
9. Филиппов Э.М. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. С. 17; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 330-332.
10. Там же; РГВА ф. 18248, оп. 1, д. 2, л. 7; Пограничные войска СССР 1918 –1928. Сборник документов и материалов. М. 1973. С. 399.
11. Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 398; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 324, 331; На страже границ Отечества. С. 297.
12. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 331-332; Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 399.
13. Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 399; Филиппов Э. М. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. С. 18; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 331; ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 3, д. 96, л. 85.
14. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 315; Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 283.
15. Там же.
16. Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 283, 401; РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 24, л. 66-67.
17. РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 18, л. 55-56; ф. 18247, оп. 1, д. 1, л. 55; ф. 18248, оп. 1, д. 1, л. 3; Западный форпост России: (Краткий исторический очерк Себежской таможенной службы). Себеж. 1996. С.10; Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 400.
18. Контрабанда и борьба с ней. С. 82.
19. РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 18, л. 55-56.
20. РГВА ф. 18276, оп. 1, д. 1, л. 39-42; ф. 18277, оп. 1, д. 1, л. 1-3, 25; ф. 18248, оп. 1, д. 1, л. 2.
21. Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 400.
22. Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. Очерки по истории войск округа. Л. 1973. С. 25.
23. РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 24, л. 66-67.
24. Там же.
25. Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 398-399.
26. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 345.
27. Дозорные западных рубежей. С. 9; Боевой путь советских пограничных войск. С. 26.
28. РГВА ф. 18277, оп. 1, д. 1, л. 25-26.
29. РГВА ф. 18276, оп. 1, д. 1, л. 4, 7.
30. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 13, 326; Филиппов Э. М. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. С. 19.
31. Пограничные войска СССР 1918 –1928. С. 399-400.
32. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 326, 344.
33. Там же. С. 341.
34. Там же. С. 14; Петров М.Н. ВЧК – ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород. 1995. С. 25; Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917-1921 гг. Сборник документов. М. 1958. С. 134-137.
35. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 14, 326; На северо-западных рубежах: Из истории Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа. Петрозаводск. 1989. С. 13; На страже границ Отечества. С. 296.
36. ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, л. 32; Петров М.Н. ВЧК – ОГПУ: первое десятилетие. С. 26-27; На страже границ Отечества. С. 296; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 348.

37. Документы внешней политики СССР. Т.1. М. 1957. С. 512-513; Интервенция на Северо-Западе России 1917 – 1920 гг. СПб. 1995. С. 111-112; *Портнов В.П.* ВЧК (1917 – 1922). М. 1987. С. 169-170; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 342-343; Муклевич Ромуальд Адамович // Военный энциклопедический словарь. М. 1986. С. 465-466.
38. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 15, 343; ГАНИПО ф. 5713, оп. 1, д. 11, л. 24; ГАПО ф. 609, оп. 1, д. 62, л. 337; д. 69, л. 9; д. 71, л. 6.
39. ГАНИПО ф. 5713, оп. 1, д. 11, л. 12.
40. *Портнов В.П.* ВЧК (1917 – 1922). С. 170; *Софинов П.Г.* Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917 – 1922 гг.). М. 1960. С. 115; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 14, 344-345.
41. Очерки истории Псковской организации КПСС. Л. 1971. С. 106.
42. Интервенция на Северо-Западе России 1917 – 1920 гг. С. 125.
43. Там же. С. 121; Псковский край в истории России. Псков. 1994. С. 237.
44. Интервенция на Северо-Западе России 1917 – 1920 гг. С. 125-126.
45. Там же; *Николаев П.А.* На защиту Петрограда! Л. 1986. С. 137-139; Очерки истории Псковской организации КПСС. С. 106-110.
46. Боевой путь советских пограничных войск. С. 27-29; Красная книга ВЧК. Т. 1. М. 1989. С. 5-6; На страже границ Отечества. С. 296-297.
47. Там же; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 337-338.
48. РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 18, л. 32.
49. ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, л. 110-111.
50. Там же, л. 8.
51. РГВА ф. 18247, оп. 1, д. 1, л. 27-28, 42; д. 7, л. 113-121; ф. 18278, оп. 1, д. 18, л. 156; На страже границ Отечества. С. 296-297.
52. РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 24, л. 8, 18; ф. 18248, оп. 1, д. 2, л. 10; и др.
53. Псковский край в истории России. С. 237.
54. Интервенция на Северо-Западе России 1917 – 1920 гг. С. 112-118; ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, л. 34, 103, 131, 132; Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. 1957. С. 529, 530, 540, 551.
55. Там же. С. 120; ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, л. 107.
56. ГАПО ф. 590, оп. 1, д. 36, л. 12.
57. Интервенция на Северо-Западе России 1917 – 1920 гг. С. 130-131.
58. ГАНИПО ф. 109, оп. 109, л. 34-41; Очерки истории Псковской организации КПСС. С. 120.
59. РГВА ф. 18247, оп. 1, д. 1, л. 24-25, 64; ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, 35-36.
60. *Петров М.Н.* ВЧК – ОГПУ: первое десятилетие. С. 63.
61. ГАПО ф. 590, оп. 1, д. 43, л. 26.
62. ГАПО ф. 590, оп. 1, д. 36, л. 10.
63. Интервенция на Северо-Западе России 1917 – 1920 гг. С. 128.
64. ГАПО ф. 590, оп. 1, д. 23, л. 215.
65. ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, л. 103.
66. РГВА ф. 18247, оп. 1, д. 1, л. 5, 9, 41; д. 7, л. 102-103, 105-106.
67. РГВА ф. 18247, оп. 1, д. 7, л. 42.
68. ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, л. 103.
69. Там же, л. 66; Интервенция на Северо-Западе России 1917 – 1920 гг. С. 119.
70. РГВА ф. 18276, оп. 1, д. 1, л. 39, 42.
71. Интервенция на Северо-Западе России 1917-1920 гг. С. 129-130.
72. ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 9, л. 110-118; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 424, 537.
73. *Мальшев М.О.* Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 году. Л. 1974. С. 96-98; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М. 1974. С. 61.
74. Там же; Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. С. 30.
75. РГВА ф. 18278, оп. 1, д. 24, л. 33; д. 3, л. 12, 30, 33-34, 87; д. 2, л. 66-68; ф. 18247, оп. 1, д. 10, л. 18-19, 125; ф. 18248, оп. 1, д. 2, л. 7-8; д. 3, л. 16; Дозорные западных рубежей. С. 15; *Филитов Э.М.* Северо-Западный пограничный округ: история и современность. С. 21, 23; Центральный архив Советской Армии. Путеводитель. East View Publications. 1993. Т. 2. С. 300; Пограничные войска СССР 1918-1928. С. 10-11, 322; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987. С. 496.
76. Подробнее об этом см.: *Минченков С.А.* Штаб охраны границ с Эстонией (1920-1921гг.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2001. № 14. С. 101-110.